

Вот и пришла пора вернуться из темных глубин веков и дальних краев поближе к дому, в Европу, символом которой стал крест, а высшим идеалом церковь — владычица души, да и тела, верующих.

Ну а как жилось в те времена собакам? Не то чтобы плохо, но и не так уж хорошо. Животное, которое некогда в иных странах занимало положение прямо-таки культовое, в Библии — наиважнейшей книге средневековья — упоминается чаще всего уничижительно. Израильские кочевые пастушеские племена, конечно, использовали собак, но говорили о них с пренебрежением: «лакает воду, как собака», «собаке нужна палка», «злой, как собака» и даже «немой...», а то и «прожорливый, как пес». Молящийся просит бога, чтоб душа его не попала под власть меча и собаки. Хорошо, коли хватило ума признать: «Лучше быть живой собакой, чем мертвым львом».

По откровению св. Иоанна Богослова, собака относится к тем существам, кого не примут в рай. Впрочем, в своей беде она не одинока, та же кара ожидает колдунов, развратников, убийц, идолопоклонников и еретиков. Вот почему в личинах каменных водосливов на галереях кафедральных соборов среди химер, демонов или дьяволов можно увидеть и собачью голову. К счастью, святые отцы, которые подхватили и развили идеи христианского вероучения и создали книги, дополняющие Библию, к собаке относились не столь сурово. Видимо, они лучше знали жизнь, чем фанатичный автор Апокалипсиса, и потому говорят о собаке как о звере вполне симпатичном и близком человеку. Восхваляют ее главные достоинства — верность и преданность. И приходят к мысли, что охранительница стад может стеречь также верующих овец. Но от кого? Ну конечно же, от волков, что так и рыщут вокруг человеческого стада, выбирая, кого бы им сожрать. Святой Августин пришел к глубочайшему убеждению, что волк есть воплощение дьявола, союзник еретиков и враг Доброго пастыря. Но достаточно нам вспомнить древнеперсидскую Авесту, и все встанет на свои места: Авеста тоже клянет волков, ибо она предназначена пастушескому народу. Попробуй разберись в этой сложной христианской символике, где первоначальные значения начисто утрачиваются!

И если полагаться на символы, то собака, с одной стороны, предстает перед нами как животное, воплощающее такие пороки, как Зависть и Злоба (естественно, выраженные фигурами символическими), а с другой, наоборот, — олицетворяющее достоинства, такие, как Правдивость, Справедливость, Сострадание и Мир. Значит, в конечном счете бедная собака все-таки остается в выигрыше.

Интересно узнать: каким удивительным образом в христианской иконографии собака стала животным, близким к святым мужам? Видимо, причина здесь в двух святых, а именно в Бернаре Клервоском, основавшем орден цистерцианцев, и Доминике, основоположнике ордена доминиканцев. По легенде, матери Доминика (а также Бернара) привиделся сон, будто она породила щенка, держащего в зубах факел. Позднее Доминик принял жечь огнем все, что попадалось под руку, — видимо, чтобы очистить таким образом мир от еретиков. Орден доминиканцев, как известно, кроме всего прочего печально знаменит еще и тем, что ревностно охотился за этими самыми еретиками и выдавал их святой инквизиции. Одетых в белую рясу и черный плащ монахов люди называли *domini canes* — господни псы. Вероятно, зато, что те вынюхивали и безошибочно шли по следу. Вот почему святого Доминика всегда изображают в сопровождении черно-белой собаки, а рядом со святым Бернаром неотлучно находится собака белая. Святого Губерта тоже наделили собакой, ибо христианское прозрение осенило его на охоте, когда ему явился олень с золотым крестом между рогами. Ну а какой же охотник без собаки? Святой Сусо не был у церковников в почете, но народ его любил, книги его усердно читались, и, хотя могилу святого Сусо так и не нашли, память о нем жила долго. При Сусо тоже находилась собака. Он, отпрыск богатого рода, роздал все свое состояние бедным, а сам отправился vyhаживать больных чумой. И, естественно, заразился; в лесу его врачевал ангел, а

собака каждый день носила свежий хлеб.

Святой Венделин — тот вообще королевского рода, правящего в Ирландии и Шотландии, он пренебрег короной и стал впоследствии покровителем пастухов. Поэтому у ног его обычно изображают собаку из породы овчарок.

Имя святого Бернара Ментонского, хоть на картинах его и не сопровождает собака, тоже связано с ее родом-племенем. Этот человек основал в Швейцарских Альпах монастырь, а в нем — прибежище для путников. Отсюда и получили свое название большие добродушные псы сенбернары. Послушаем, что говорит об этом старая энциклопедия Ригера[12], изданная в 1860 году; «У монахов тут собаки особенные, они отыскивают путников, заблудившихся на крутых склонах и угодивших в пропасти, после чего в монастыре им оказывают самое радушное гостеприимство. Монахи принимают за это скромные добровольные дары. Трупы же погибших складывают в специальные часовни, где от мороза они лишь высыхают, не изменяясь».

Вдвойне счастлив путник, если его все-таки отыскал сенбернар, да еще с бочонком романа шее!

Любопытно, что на некоторых средневековых надгробиях имеется выбитое в камне изображение собаки; полагают, будто это символ бдительности. Неясно одно: к чему усопшему бдительность?! Надо полагать, это, скорее, древний, ловко использованный языческий обычай класть в гроб то, что покойный любил. Хоронить собаку вместе с человеком? Исключено, ведь она не может попасть в рай, зато ее можно изобразить на могильном камне, особенно если для этого нашелся подходящий повод в хитроумной церковной символике. Собачка стережет вечный сон своего господина, так же как скифских кочевников в курганах сторожат их собаки, правда погребенные вместе с хозяином.

Ну, а как обстояли дела собачьего племени у нас, в Чехии, когда в Пражском граде сидели князья из рода Пршемыслова?

В те времена и у нас тоже значительно окреп феодализм — к великой радости тех, кто правил, и к меньшей радости тех, кем правили. Господа жили в замках, построенных по образцу немецких или французских, их уже не удовлетворяли древние городища. Но потому как в своих крепостях господа не располагали большими возможностями для развлечений, они скрашивали свою жизнь попойками и охотой, постепенно ставшей новым стилем жизни.

У рода Пршемысловцев были могущественные враги в лице рода Славниковцев. Однажды, как дошло до нас, Пршемысловцы подбили Вршовцев принять приглашение Славниковцев пойти к ним в Либнице на празднество. И там во время пиршества гостеприимных хозяев всех до одного уложили.

Во время археологических раскопок на месте бывшего городища была найдена фигурка собаки — видимо, игрушка детей, которых на том пиршестве поубивали вместе со взрослыми.

О собаках в старых чешских рукописях упоминается лишь вскользь. Прежде всего мы узнаем, что собак использовали для охоты и что собаки были породистые, подчас стоившие очень дорого. Охота, которой увлекались господа, — это модное пристрастие — отнимала у них большую часть времени и стояла выше всех прочих занятий, что весьма не нравилось строгим блюстителям нравов.

Читая хронику Далимила, о которой нам, увы, известно очень мало, — хронику, полную ненависти к нравам чужаков, которые начали у нас в стране входить в силу, — мы просто

поражаемся, сколь яростно он осуждает страсть короля Вацлава к охоте. Уж очень скорбит хронист Далимил, что «король имеет обыкновение со псами охотиться». Даже и глаз-то Вацлав потерял на охоте, где проводит все свое время. Похоже, в лесу король Вацлав и в самом деле чувствовал себя намного безопаснее, нежели на Градчанах. Он строил все новые и новые замки, из которых, например, Тыршов над Бероункой служил одновременно и охотничьим замком для его сына, отчаянного повесы Пршемысла Отакара, взбунтовавшегося потом против папаши. Да! Что и говорить, нелегко жилось королям из рода Пршемыслова!

Ясное дело, увлечение охотой и нерадивость к государственным делам отличали не только короля, это было явление, если можно так выразиться, общественное. Точно так же вели себя господа помельче и даже какая-нибудь мелюзга, владеющая всего-то небольшим замком посреди площади. Даже эти уделяли больше времени охоте, нежели заботам о хозяйстве.

И без стихов Далимила известно, что именитые господа, позабыв о добром имени, торчали дома и жирели, прощу прощения, как свиньи, в то время как молодежь гонялась с собаками по лесам за зверем. Когда-то за собаками присматривали челядинцы, ныне о них стали печься сами молодые господа. Прежде челядинцы с собаками жили вдали от господских домов, в домах блюли чистоту и господа съезжались для забав. Прежде среди них были ловчие, что охотились за зверем для господ, сами же господа принимали участие лишь в травле оленя, и то одной потехи ради. Потому-то у них и оставалось время посидеть в совете и порадеть о мире в стране. «Теперь же, — говорит хронист с возмущением, — живут они со псами в одном доме и разговоры ведут лишь про гон да своих псов гончих. И нечего удивляться, что стали они беднеть, а их хозяйства — хиреть. Хуже того — от смрада псов, заполонивших их покои, стали помирать они прежде срока». Короче говоря, наступил упадок нравов...

Кто хочет прочесть об этом в переложении со старочешского оригинала — извольте:

В те поры паны голытьбою стали,

В одних покаях со псами живяху,

Полагая в том приятность и за честь прияху,

Все про собак одних говоряху,

Стали они от того нищати,

От песьего смраду ране сроку помирати...

Неужели только это так сильно разозлило щепетильного хрониста? Ну конечно же, нет! Дело совсем в другом. Далимил обрисовал нам более значительные общественные перемены. Раньше феодал должен был думать не только о своем житье-бытье, но и о хлебе насущном для своих подданных. Сейчас многое изменилось. Феодализм укрепился, господа перестали радеть о подданных, их заботили лишь сбор дани да развлечения. А так как модным развлечением стала охота, они предались ей сверх всякой меры. Хронист, сам того не подозревая, описал также изменения в манере охоты. Прежде на охоту отправлялись со сворой собак, но такого количества животных дворянин у себя в замке держать не мог, для этого необходимы были псарни, расположенные подчас далеко от замка. И если деревня называется Псарь, нам уже ясно, что там жили псары, которые ходили за господскими собаками. Но когда стали разводить породистых собак, феодал пекся уже не о безымянной своре, а об отдельных собаках. Теперь он берет их к себе в замок, в свои покои. Человек неожиданно обнаружил, что собака отличный компаньон. Когда наступали холода и господину было нечем занять себя, оставалось лишь сидеть возле очага и греть зябнувшие ноги, только собака скрашивала ему жизнь. И уже не

одни мужчины окружали себя породистыми собаками, своими любимцами, но и женская половина в замках тоже завела себе собачонок, прозванных «муфтами».

О том, что собаки и в более поздние времена, уже в эпоху Ренессанса, подчас делили с хозяином даже спальню, свидетельствует в одном из своих стихотворений известный гуляка и бражник Гинек из Подебрад, сын Иржика. Вот его рассказ про то, как молодой человек очнулся от любовных сновидений:

Дрыгнул он ногой спросонок,

Так что треск пошел вокруг,

И собачка под кроватью,

Завизжав, вскочила вдруг...

Удалец, которому приснилось, будто он обнимает возлюбленную, проснувшись, обнаруживает, что это всего лишь его подушка! И откровенно добавляет:

Душа печалится моя,

Как будто схоронил отца...

К тому времени собака утрачивает свое прежнее, исключительное положение на охоте. В Европе — и у нас тоже — после крестовых походов появилось новое увлечение — соколиная охота. Но сокол не мог охотиться один, кто-то должен был пернатую дичь спугнуть и поднять. И появилась новая порода собак — специально для охоты на пернатых и на зайцев, их называли «псы под соколы». Моралисты задыхались от ярости, но ничто не помогало.

Впрочем, и сам Ян Гус хулит разбогатевших пражских горожан за то, что «косматок и мясоедок, никакой пользы не приносящих, содержат, моют, чешут, в баню носят, мясо особое им покупают и варят, а для бедняка и геллера не найдут».

Гон! Улюлюканье, трубят рога, летит кавалькада охотников — великолепное зрелище, многие художники запечатлели этот сюжет на своих полотнах, изобразив также всевозможные породы собак; легавых, что поднимали зверя из чащи, гончих, что его преследовали, и, наконец, борзых, которые его травили. Охотник со свитой мчится на коне следом за сворой псов, стремясь уложить зверя, прежде чем псы успеют растерзать его. Чтобы придать развлечению более благородный и пристойный характер, в нем стали принимать участие дамы. Само собой разумеется, местом охоты было все, и не только леса, но и поля подданных. А после того как многочисленная кавалькада охотников и свора собак промчались по полям, о каком урожае можно думать? Что же тут удивляться, если людей строгих нравов это безобразие возмущало! Особенно когда в своей жажде заполучить самых дорогих собак из Франции и Англии знать совсем разорилась.

Между тем люди начинают замечать, что у собак есть свой характер.

В излюбленных сочинениях, где звери советуют царю-льву, как ему править, каждый из них делает это в соответствии со своей натурой. В «Новом совете зверей» чешского автора Смиля Флашки из Пардубиц свинья рекомендует льву быть грязным, а лисичка — хитрым... А какой совет дает собака?

Царь, советую тебе,

Преданных держи при себе!

А коли у тебя гостина,

Своих потеснее стремися сдвинуть!

Они, учуяв вмиг коварство,

Что опечалило б тебя,

Все встанут грудью за тебя,

Не пощадивши живота!

Когда же спишь в своих покоях,

Пусть будут стражами в дверях...

Охоты не чурайся,

Вставай и собирайся

На травлю или гон,

Живи, забот не знай,

Печалью дней не омрачай.

Рыцарское общество имело свои, совсем иные нравы, они оказались весьма устойчивы и были даже воспеты в литературе.

И нас нимало не удивляет, что мирный император Карл IV изображался как охотник, хотя охотой увлекался не он, а юный принц Вацлав. Однако, согласно легенде, именно Карл IV открыл Карловы Вары, когда одна из его собак в погоне за оленем обварилась в бьющем из земли горячем источнике. Впрочем, история этого не подтверждает. К чему было королю Карлу отправляться охотиться на край света, когда у него были охотничьи замки неподалеку от Праги? Но такова легенда; и на этот сюжет написаны столь прекрасные и убедительные картины, что нынче ни у кого не возникает сомнений в ее правдивости.

Завзятым охотником был сын Карла IV Вацлав IV. Его уже не удовлетворял ни Кршивоклат, ни любой другой замок. Он выстроил себе небольшой охотничий замок в Кунратицах под самой Прагой, чтобы не надо было ездить на охоту далеко. Это был монарх, прославивший себя кроме охоты еще и весьма большим интересом к женскому полу. На его счету, говорят, даже купающаяся Сусанна, которая, как видно, тоже клюнула на его крючок. И хоть был он королем добрым, с женщинами ему явно не везло, да и с собаками тоже. Громадные псы спали у дверей его королевской опочивальни. Верно, Вацлав IV не чувствовал себя в полной безопасности. В одну новогоднюю ночь к нему заявила его супруга Яна Баварская, но пес, верный страж короля, набросился на королеву и перегрыз ей горло. Королева умерла. Что случилось с собакой, нам неизвестно. Но при чем тут собака? Она невиновна, ведь ее святой долг — охранять своего господина.

Вызывает, правда, недоумение, что могло столь неожиданно понадобиться королеве в спальне ее супруга, чешского короля? Любовь ли была причиной, ревность ли? Или виной всему веселье той бурно проведенной ночи? Собака была решительно непривычна к тому, чтобы эта

дама являлась на мужнее ложе, в противном случае она приветствовала бы королеву вилянием длинного хвоста, а не убийственными клыками!

Что и говорить, случай печальный и достойный всяческого сожаления, но абсолютно уникальный! Больше известны истории о верных собаках, отдавших жизнь за хозяина.

У всех нас, друзей собак, нет и тени сомнения в том, что рассказы о собачьей преданности исключительно правдивы, и мы надеемся, что нам не однажды представится возможность поведать об этом.

А в остальном в рыцарские времена собаки тоже вели себя по-рыцарски.

К слову сказать, собачка Утан умерла на груди у своих хозяев Тристана и Изольды, ибо ей не для кого стало жить...

На этом мы пока оборвем короткую, но славную историю человека и собаки, историю одной дружбы, которая когда-то — мы не знаем точно когда — началась и которая — это уж мы знаем точно — не кончится, покуда останутся на земле люди и собаки.

<http://tl.rulate.ru/book/5745/105086>